

Политика и военная стратегия – *uniti aeternum*

Взгляд Андрея Кокошина

Сергей Лавренов

Новая книга академика РАН А.А.Кокошина* «Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности» посвящена более чем актуальным и по-прежнему дискуссионным (несмотря на многовековой опыт их исследования) проблемам, от решения которых в немалой степени зависит не только национальная безопасность России, но и международная безопасность в целом, а значит, прямо или косвенно – судьба каждого, живущего на планете.

К числу этих проблем академик отнёс:

– проблемы взаимодействия и взаимовлияния политики и военной стратегии;

ЛАВРЕНОВ Сергей Яковлевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. *E-mail:* lavrs2009@yandex.ru

Ключевые слова: политика, военная стратегия, национальная безопасность, стратегическая стабильность, разведка, процесс принятия решения, неядерное содержание.

* Андрей Александрович Кокошин приобрёл известность в научной среде ещё в доперестроечные времена, в связи с участием в научных разработках по проблемам стратегической стабильности и космической противоракетной обороны. В мае 1992 г. он был назначен первым заместителем министра обороны России. В 1997–1998 гг. занимал посты Государственного военного инспектора – секретаря Совета обороны России, затем – секретаря Совета безопасности РФ. Под руководством А.А.Кокошина была разработана первая Государственная программа вооружений Российской Федерации, утверждённая правительством в 1994 г. Он курировал создание оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер», бомбардировщика Су-34, боевых вертолётчиков, стратегических подводных ракетноносцев проекта «Борей», ракетных комплексов «Тополь-М» и «Ярс», высокоточного дальнобойного оружия в неядерном оснащении, строительство крейсера «Пётр Великий» и ударных вертолётчиков Ми-28 и Ка-50 («Чёрная акула»), программы создания электроники военного назначения «Интеграция-СВТ», «Багет» и др.

- особенности принятия решений в сфере стратегического управления;
- роль и место разведки в системе стратегического руководства;
- долгосрочные проблемы обеспечения стратегической стабильности;
- некоторые тенденции в развитии современных вооружённых сил и их воздействие на стратегическую стабильность;
- ряд проблем в системе неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России, что особенно важно в условиях углубляющейся напряжённости в отношениях России и США.

Особый интерес исследования обусловлен тем, что рассматриваемые проблемы анализируются не просто на уровне политико-военного теоретизирования, но в конкретно-историческом контексте с привлечением огромного фактологического материала как из недавнего прошлого (внезапное нападение Германии на Советский Союз, Карибский кризис и др.), так и актуального политического времени, что придаёт полученным выводам не только достоверность, но и тревогу сегодняшнего дня.

Свой критически-дискурсивный анализ академик А.А.Кокошин в значительной степени основывает на обновлённом прочтении книги К.Клаузевица «О войне», которая, как и любое крупное произведение, сохраняет свою научную востребованность по настоящее время, лишняя раз подтверждая, что Клаузевицу удалось совершить переворот во взглядах на войну и армию.

По мнению А.А.Кокошина, классическая формула Клаузевица: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [1], несмотря на глубокие изменения в военной теории и практике, по-прежнему сохраняет свою истинность, определяя сущностный характер взаимоотношений между политической и военной стратегией, разграничивая сферы ответственности между гражданскими политическими руководителями и военными профессионалами, по долгу службы призванных материализовывать политические установки в планах стратегических действий, определении наиболее эффективных

военных способов достижения конкретных политических целей.

Уяснение смысла формулы Клаузевица предполагает дальнейшую «расшифровку», уточнение тех аспектов его учения, которые, несмотря на прошествие длительного времени, по сей день остаются не до конца осмысленными.

Автор книги прежде всего обращает внимание на определение собственно понятия войны, данного Клаузевицем и ещё не попавшего в центр научного дискурса. Война, с точки зрения Клаузевица, «представляет собой своеобразную троицу», составленную из следующих элементов: «из насилия как первоначально своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*»; «из игры вероятностей и случайностей, что делает её *свободной душевной деятельностью*»; «из подчинённости её в качестве орудия политики, благодаря чему она становится достоянием непосредственно *рассудка*» [2]. Первая из трёх сторон «обращена больше к *народу*, вторая – к

полководцу и его войску, а третья – к правительству» [2].

Подобный подход предполагает, что политик, следующий принципу «если хочешь мира, готовься к войне», при принятии соответствующих решений должен учитывать помимо рациональных факторов иррациональную составляющую войны с её «слепым природным инстинктом», способным значительно ускорить втягивание в орбиту войны, серьёзно деформируя изначально рациональные планы политиков и военных.

Возможность наложения при этом различных «вероятностей и случайностей» в немалой степени может способствовать такому ходу событий. Именно в этом одна из причин того, что события кризисного и военного времени нередко выходят из-под контроля как государственного руководства («политики»), так и военного командования.

В этих условиях особую важность для предотвращения нежелательного развития событий имеет готовность и умение политиков, а также высших военных различать «войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, при которых они зарождаются» [2], что является далеко не простым делом. Это умение трудно-выполнимо не только в практической, но и в профессионально-исследовательской деятельности, чему свидетельство непрерывающееся по сей день, несмотря на прошествие века, дискуссии о причинности Первой мировой войны, как и ответственности за её развязывание [3]. Одна из предпосылок подобной ситуации заключается в том, что основные протагонисты стремятся тща-

тельно завуалировать свои истинные мотивы, превращая исследование механизма зарождения в трудно-разрешимый ребус.

Очередным свидетельством этого является углубляющийся украинский кризис, когда киевская власть и её закулисные «спонсоры» не только не готовы признать как минимум «равную ответственность» за происходящее и на этой основе искать компромисс, но во всех смертных грехах обвиняют Россию, тем самым способствуя эскалации конфликта. Несмотря на то что планы инициаторов кризиса очевидны и уже расписаны, иррациональность подобного поведения заключается в том, что их шансы на победу в остром противостоянии совершенно не очевидны.

Как бы там ни было, но мотивы политиков и военных, а также стоящих за ними могущественных финансово-экономических группировок в немалой степени определяют масштаб войны и характер используемых средств, оперативные формы применения вооружённых сил и тактику боевых действий. Это тем более справедливо в современную эпоху, когда в условиях огромного влияния глобальных массмедиа, освещающих войны и вооружённые конфликты почти в реальном масштабе времени, действия, считающиеся тактическими, могут одновременно превратиться в серьёзную проблему для высшего политического и военного руководства.

После Клаузевица неоднократно предпринимались попытки конкретизировать, «операционализировать» его положение о примате политики над военной стратегией.

В своё время бывший заместитель начальника Генерального штаба СССР генерал-полковник М.Повалий дал убедительную аргументацию о руководящей роли политики по отношению к военной стратегии: «Политика, на основе оценки мировых политических, классовых сил, состояния экономического, военного и морально-политического потенциалов своих и вероятных противников, определяет политическую цель войны, т.е. её политическое содержание... Она намечает важнейшие промежуточные задачи военных действий, вытекающие из общей цели, порядок вступления в войну, сроки или последовательность ударов, которые необходимо осуществить на различных театрах или в стратегически важных районах земного шара. Политика... определяет состав вооружённых сил, которые необходимо иметь к началу войны и в ходе её развития, их группировку и задачи с учётом значимости театров военных действий и сил противника» [4].

Что касается роли военной стратегии, то Повалий отвечает на этот вопрос цитатой из книги маршала Б.М.Шапошникова «Мозг армии»: «Что касается стратегии, то она призвана вооружёнными силами добиться поставленной ей цели... Соответственно, главной задачей стратегического руководства является разработка конкретного плана войны против явных и вероятных противников» [4].

Большинство военных теоретиков считают, что войны начинаются тогда, когда противодействующие политические силы уже не в состоянии наличными политико-дипломатическими средствами предотвратить её, не видят иного выхода, кроме применения крайнего средства для разрешения накопившихся межгосударственных противоречий. Помимо причинно-следственной отмечается также существенная связь между войной и политикой, которая определяет характер политической цели войны, её социальный характер, т.е. в интересах какой социаль-

ной группы она ведётся, и, как следствие – её исторический смысл и значение. Политика в лице соответствующих институтов руководит как ходом самой войны, так и жизнью страны, мобилизуя все силы на достижение победы. Политика, как внешняя, так и внутренняя, отвечает за обеспечение благоприятных условий для выполнения поставленных военно-стратегических задач.

Решение этой задачи, по мнению автора, осуществляется в рамках того, что можно именовать как **высшую стратегию**, являющуюся категорией более высокого и многопланового уровня, чем военная стратегия. Под высшей стратегией, как правило, подразумевают целенаправленную деятельность государства во время войны (и в период подготовки к ней) по наиболее эффективному использованию всех компонентов его мощи (потенциала) для достижения победы [1].

Соответственно, высшая стратегия предполагает не только использование вооружённых сил, но и дипломатию, экономическое принуждение (включая разные формы экономической блокады), разведывательные мероприятия, многоплановое пропагандистско-психологическое воздействие, мобилизацию в необходимых масштабах и формах национальной промышленности и трудовых ресурсов ради достижения победы.

Такое определение высшей стратегии во многом созвучно понятию «**большая стратегия**» (*Grand Strategy*), принятому в англосаксонских странах. Что касается отечественной традиции, то здесь, до последнего времени, чаще использовался тер-

мин «**военная политика**». Последняя непосредственно связана с созданием военной организации, техническим оснащением вооружённых сил, определением перспектив развития вооружений и военной техники, мобилизационных возможностей государства, подготовки военно-обученных резервов, в случае необходимости – их мобилизационного развёртывания, а при необходимости – с решением о применении средств вооружённого насилия для достижения политических целей. При этом она должна опираться на оценку своих сил и сил вероятных противников, потенциалов, составляющих военную мощь государства, и факторов, решающих ход и исход войны» [5].

Клаузевиц, по мнению автора, совершенно справедливо считал, что *действие политических факторов не прекращается с началом боевых действий*. Говоря об особенностях войны, он отмечал: «То, что ещё остаётся в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию её средств» [2].

Однако, как подчёркивал Клаузевиц, у военного командования есть свои права в отношении политиков и политики. Военная стратегия имеет право «выставлять свои требования к политике», для максимально чёткого формулирования политических целей применения военной силы.

«Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерение политики не вступали в противоречие с военными методами» [2].

Со своей стороны высшее военное командование обязано полностью информировать руководство о том, соответствуют ли наличные военные

средства поставленным политическим целям.

Однако и эти обстоятельства не отменяют доминирования политики, ибо «политическое намерение является целью, война же – только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели» [2]. Опасения Клаузевица о возможности инверсии этой, с его точки зрения, аксиомы, подтвердил опыт Германии в Первую мировую войну, когда всё руководство страны фактически оказалось в руках генерального штаба во главе с Гинденбургом и Людендорфом и в определённый момент политика стала подчиняться военной стратегии.

Как подчёркивал немецкий фельдмаршал Х.Мольтке-старший, для хода войны руководящими являются главным образом военные соображения, политические же – лишь поскольку «они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого» [6].

Фактическое отстранение политиков от принятия решения способствовало катастрофическому поражению Германии. Однако сторонников того, что политика должна установить политическую цель войны и затем предоставить стратегии полную свободу действий, история и после этого знала немало.

В отечественной военной мысли наиболее яркий след в истории изучения вопросов, касающихся соотношения политики и военной стратегии, оставили Б.М.Шапощников в книге «Мозг армии» и А.А.Свечин в фундаментальном труде «Стратегия».

Оба военных теоретика в целом разделяли взгляды Клаузевица. А.А.Свечин писал: «Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет все-

мирно-исторический характер... Стратегия, естественно, стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплавиться за все грехи политики» [7].

«Политическое безголовье» Германии в начале XX в., по мнению Свечина, отчасти характеризовалось «эмансипацией германской стратегии от политических директив».

Сложная архитектура взаимоотношений политики и военной стратегии, от характера которых в определённый исторический момент может зависеть судьба страны, по мнению автора, требует, чтобы государственное руководство было готово к тому, чтобы ставить задачи военной стратегии. В истории случается, писал Клаузевиц, что «политика ошибочно ожидает от применения некоторых боевых средств и мероприятий несоответственного их природе действия». К тому же политика, не знакомая с вопросами военной стратегии, оперативного искусства, «может поставить задачи (перед военной стратегией. – Авт.), не соответствующие её собственным намерениям» [2]. Последнее в истории имело место множество раз; в силу этого, замечает Клаузевиц, *политические вожжи не должны быть чужды известному пониманию военного дела* [2].

«Ответственные политические деятели, – писал Свечин, – должны быть знакомы со стратегией... Политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчёт, что достижимо для стратегии при имеющихся у неё средствах и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои рас-

чёты на военных возможностях дружественных и враждебных государств» [7].

В то же время, по мнению Свечина, вполне допустимо говорить: военный стратег должен постоянно думать о том, что то или иное стратегическое действие может значить для политики [1]. К сожалению, знание высшим командным составом реальных проблем внешней и внутренней политики своего государства далеко не всегда соответствует такого рода требованиям.

«Известное понимание» предполагает, что государственные руководители (и их аппарат) обязаны не только быть сведущими в том, какими военными средствами может быть достигнут тот или иной военно-стратегический результат, но и иметь представление об основных компонентах механизма выработки и принятия военно-стратегических решений и механизма их реализации, то, что Клаузевиц называл «трением войны», поскольку специфика управления в военной сфере существенно отличается от общегосударственного гражданского управления.

Таким образом, взаимоотношения между государственным политическим руководством и военным командованием, с точки зрения А.А.Кокوشина, исходящего из позиции К.Клаузевица, это *набор взаимных встречных обязательств, взаимная ответственность друг перед другом при главенствующей роли политики* [1].

Более чем актуально, по мнению А.А.Кокوشина, звучат размышления Клаузевица о путях достижения победы. Подчёркивая, что именно бой – прежде всего решающее сражение – занимает центральное место на

войне, автор тем не менее утверждает, что это не должно заслонять собой возможности использовать для достижения победы другие средства, как военные, так и невоенные. По Клаузевицу, достижение победы – это не простое перемалывание живой силы противника; главная задача – сломить его волю, т.е. вынудить противника и его союзников подписать мир или привести народ к покорности [2].

Соответственно, Клаузевиц упоминает в составе этих средств и «предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения», т.е. фактически на внутривнутриполитическую обстановку в стране [2].

На эту сторону учения Клаузевица о войне до сих пор большинство специалистов обращали мало внимания, подчёркивает А.А.Кокошин, однако масштабные информационные войны и череда «цветных революций» во многих странах, в том числе постсоветских, показывают, что западные политические и военные технологи в полной мере оценили и операционализировали это положение немецкого военного теоретика для достижения далеко идущих целей при цивилизационной и геополитической экспансии на Восток [8].

Клаузевиц не стремился дать полную классификацию различных способов и методов преодоления воли человека, не желая быть «педантом», справедливо полагая, что их перечень будет пополняться и видоизменяться.

Впрочем, по мнению автора, идея Клаузевица о том, что уничтожение вооружённых сил противника есть прежде всего подавление его воли к сопротивлению, давно уже вошла в плоть и кровь немецкой военной

мысли – от стратегического до тактического уровня.

Она лежит, например, в основе зародившейся ещё в конце Первой мировой войны тактики штурмовых групп пехоты с активным использованием лёгкого автоматического оружия (сначала ручного пулемёта, затем пистолета-пулемёта), призванного прежде всего производить сильнейшее психологическое воздействие на обороняющихся непрерывным огнём с невысоким уровнем прицельности.

На подавление воли к сопротивлению были рассчитаны тактика, оперативное искусство и стратегия применения германских танковых соединений во Второй мировой войне. Они были ориентированы прежде всего на глубокие прорывы в оперативный тыл группировок противника, чтобы в основном воздействовать на психику командующих, командиров и бойцов, создавать в сознании угрозу быть отсечёнными от соседей и уничтоженными. Танковые соединения вермахта с минимальным числом пехоты действовали при этом на большом удалении от основных сил. Они вводились на стыках соединений противника, там, где не ожидалось сколько-нибудь серьёзного сопротивления, где не было задач «прогрызания» или «взламывания» обороны, решение которых было чревато большими потерями в бронетанковой технике. А для этого больше всего подходили лёгкие (и отчасти средние) танки с небольшим потреблением горючего, что облегчало действия танковых соединений и частей на большом удалении от тыла [1].

Устарела ли формула Клаузевица о примате политики над военной стратегией с появлением ядерного оружия?

Советские исследователи уже в конце 50-х – начале 60-х годов обратили внимание на радикальное изменение как положения о том, что война является продолжением политики в изменившихся условиях, так и характера самой военной стратегии в связи с появлением ракетно-ядерного оружия.

Маршал Советского Союза Н.В.Огарков, будучи начальником Генерального штаба, констатировал: «Появление в 1945 г. и быстрое совершенствование в последующем ядерного оружия, обладающего невероятной силой поражения, по-новому поставили вопрос о целесообразности войны как средства достижения политической цели...» [9].

По мнению известного историка Д.М.Проэктора, ядерное оружие «становится скорее, так сказать, политическим оружием, выходя за рамки традиционного средства войны» [10].

Эта точка зрения получила поддержку научного сообщества. В 80-е годы был вообще поднят вопрос о правомерности применения к такому гипотетическому понятию, которое принято называть ракетно-ядерной войной, самого термина «война».

Однако не все придерживались столь категоричной точки зрения.

В частности, А.Кокошин цитирует маршала Н.В.Огаркова, который считал возможным развязывание «термоядерной войны» в качестве продолжения политики со стороны иррационально действующих сил [1].

История ядерного оружия знает несколько примеров использования ядерного шантажа в качестве инструмента политики как со стороны США, так и Советского Союза, который, при неблагоприятном стечении обстоятельств, мог перерасти в тер-

моядерную войну. Соответственно, ракетно-ядерная политика остаётся продолжением политики, пусть иррациональной, неверной или «дурной» политики, как утверждал известный советский военный теоретик А.А.Свечин.

Исследователь Н.Грачёв замечает по этому поводу: «Само ракетно-ядерное оружие создано, накапливается и совершенствуется по заказу политиков, оно есть выражение вполне осознанной политики. Политика решила и будет решать вопрос о применении или неприменении ядерного оружия. Агрессивные силы США уже не один десяток раз хотели применить ядерное оружие против СССР и других стран. И чего-либо принципиального, от чего это оружие перестало бы быть оружием войны, не произошло. Не лишает политического содержания ракетно-ядерную войну и её случайное, из-за технического сбоя, начало, ибо в самой этой случайности повинна всё-таки политика, готовившая войну. Тем более, что ответные меры в этой непреднамеренно начавшейся войне уже не будут случайностью. И вопрос об их применении будет решаться политическим руководством» [11].

А.А.Кокошин в своей книге выделяет как минимум четыре основных источника опасности непреднамеренного, случайного возникновения ядерной войны:

- технические ошибки в системах раннего предупреждения и управления ядерным оружием;
- неудачные принципы организации движения информации в системе принятия решений;
- человеческие ошибки в оценке военно-стратегической ситуации в результате неверной интерпретации поступающих данных;
- механические ошибки или нервные срывы человека в результате неадекватного состояния – усталости, болезни.

Наиболее опасный, необратимый характер могут принять события при наложении ошибок нескольких видов [1].

Автор монографии придерживается точки зрения, что ядерная война «по ошибке» не может по определению быть рациональным продолжением государственной политики, но она вполне может оказаться логическим продолжением ошибочной политики, в том числе и при решении ряда сравнительно частных проблем: в подборе кадров, имеющих отношение к принятию решений о применении ядерного оружия и к его эксплуатации, в технической политике, касающейся соответствующих средств управления и контроля, и т.п. Для предотвращения несанкционированного, случайного применения ядерного оружия, по его мнению, необходимы регулярные тренировки с участием высшего государственно-го руководства [1].

Важное значение имеет вывод А.А.Козлова о том, что в современных условиях формально рациональным продолжением политики с использованием военных средств вполне может оказаться ограниченная ядерная война ядерного государства против неядерного [1]. В такой войне могут, в частности, ставиться ограниченные политические и военные задачи по уничтожению объектов другой стороны, на которых ведётся разработка ядерного оружия (и других видов оружия массового поражения – химического, биологического) и средств его доставки, по «обезглавлению» системы либо государственного, либо военного управления, поражению определённых наиболее ценных объектов, сил и средств общего назначения.

Такая война ядерного государства против неядерного может представляться вполне мыслимой западными планировщиками, поскольку ядерное государство не рассчитывает на ответный удар со стороны неядерного государства. Серьёзную угрозу для международной безопасности является возросшая вероятность получения радикальными неправительственными организациями в свои руки оружия массового поражения с дальнейшим использованием его в качестве орудия ядерного шантажа для получения политических уступок.

Существенному изменению в ядерную эпоху подверглась и военная стратегия. По мнению генерала армии С.Н.Козлова, «теперь стратегия обладает возможностью достигать своих целей не только через совокупность тактических и оперативных результатов, но и непосредственно... Сам эффект стратегических ударов прямо и более или менее непосредственно определяет обстановку, ход и результаты всех других усилий и масштабов, как оперативных, так и тактических» [12].

Несмотря на то что гигантские жертвы и разрушения, вызываемые применением ракетно-ядерного оружия, выводят его использование за пределы военного искусства, различные планы «ограниченной ядерной войны» по-прежнему разрабатываются, в том числе и на военно-стратегическом уровне.

Одной из важнейших проблем сложного взаимодействия политики и военной стратегии является принятие решения как в условиях предвоенного кризиса, так и войны.

Автор подчёркивает, что принятие решения является центральным звеном всего управленческого процесса.

Отличие решений в военной сфере состоит в том, что они определяют вопросы жизни и смерти в условиях ядерного века – сотен миллионов, а может быть, даже и миллиардов человек.

Политико-военные решения в условиях острого международного кризиса отличаются особой сложностью. В большинстве случаев их приходится принимать при отсутствии полноты информации, недостатке времени и стрессовой обстановки, необходимости быстрого выбора из ряда альтернатив [1].

Принятие решения на войне – сложный процесс с активным вторжением эмоций, всякого рода случайностей, несуразностей, нарушающих ход формализованной логики. На эту особенность решения в политико-военной сфере обращал внимание и Клаузевиц, который отмечал, что на войне «вождь крупного целого находится постоянно под ударами волн ложных и истинных сообщений, ошибок, допущенных вследствие страха, небрежности, торопливости или упрямства, проявленного на основании правильных или неправильных взглядов, по злой воле или из ложного или подлинного чувства долга, вследствие лености или переутомления он окружён случайностями, которые никто не смог бы предусмотреть» [2].

Рассматривая Клаузевица, А.А.Кокошин обращает внимание, что он в своих трудах тщательно анализировал многие детали, в частности: как принимались решения, какую роль играли при этом конкретные люди и т.д. Обстоятельные и весьма рельеф-

ные характеристики основных действующих лиц в системе стратегического управления – это неизменный атрибут работ Клаузевица. В своём труде «О войне» он писал, что «искры личных отношений», которые пролетают «через любые материальные перегородки», имеют «исключительное значение на войне, где личность деятелей – в кабинете и в поле – играет такую крупную роль» [2].

Но и в условиях формально мирного времени стратегические решения высшего политического уровня не менее сложны и ответственны. Они, по мнению А.А.Кокошина, предполагают: определение основных угроз национальной безопасности страны, их соотношение с другими видами угроз, установление вероятных противников, возможных (и желаемых) союзников и партнёров, оценку глубины и надёжности союзнических или партнёрских отношений, стратегическое сосредоточение и развёртывание войск, проведение крупномасштабных военных операций, в том числе выбор направления главного удара, и т.д. За многими решениями такого рода, нацеленными на определение характера и содержания предстоящей войны, стоят решения в экономической и военнотехнической сферах. И цена ошибки может быть огромной [1].

Просчёты в этих сферах, допущенные военным министерством Российской империи за несколько лет до начала Первой мировой войны, имели трагические последствия для нашей страны. Эта цена ещё более возрастает в современных условиях, когда стоимость новейших систем вооружения может достигать огромных величин.

Серьёзным просчётом подобного плана автор небезосновательно считает односторонний выход США из Договора по ПРО (1972 г.) осенью 2001 г., вызванный намерением вернуть систему ПРО в ряде европейских стран. Это решение радикально меняет основные параметры системы обеспечения стратегической стабильности, сложившейся с начала 70-х годов.

В ответ Россия заявила о возможности воспользоваться правом выхода из нового (Пражского) Договора о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-3), подписанного в 2010 г.

Политико-стратегическая значимость ограничения системы ПРО заключается прежде всего в том, что в этом случае становятся безосновательными надежды на снижение собственных потерь в ядерной войне до приемлемого уровня и, соответственно, перечёркивается сама идея достижения сколько-нибудь реальной победы в ядерной войне. Поскольку невозможно снизить свой ущерб от ответного удара другой стороны, постольку фактически лишается смысла и первый упреждающий удар [1].

Возвращаясь к эпохе холодной войны, автор отмечает, что работа над системами ПРО стала объективной основой для эрозии стратегической обстановки, так же как и ускоряющийся военно-технический прогресс, причём не только в ядерной сфере. Ускоренными темпами, например, развивались в 70-е годы и неядерные средства поражения повышенной точности, которые можно было бы устанавливать на носителях большой дальности, отнесённых к

категории стратегических; в сочетании со значительным увеличением точности наведения на цель это рассматривалось как потенциальная угроза для ряда компонентов стратегических ядерных сил.

Одновременно обе стороны занимались разработкой технологий, различных способов, систем, повышающих боевую устойчивость стратегических ядерных сил в условиях применения против них ядерного оружия.

Это касалось:

- различных дополнительных вариантов базирования межконтинентальных баллистических ракет на подвижных стартах (ПГРК, БЖРК, воздушного запуска – БРВЗ и др.) [13];
- снижения шумности подводных лодок и увеличения глубины их погружения;
- снижения заметности для самолётов стратегической авиации и крылатых ракет большой дальности;
- повышения дальности баллистических ракет подводных лодок, что значительно увеличивало площадь акваторий для боевого патрулирования стратегическими подводными ракетносцами.

Неконтролируемое и неограниченное развитие сил и средств противолодочной борьбы вместе с различными средствами ПРО также несло и несёт в себе угрозу стратегической стабильности. Соответственно, развивались и развиваются различного рода элементы теории ядерного сдерживания, которые строились не только на возможности обмена взаимно самоубийственными «ударами возмездия» по крупным городским агломерациям, но и возможности удара по другим объектам, что позволяло бы завершить войну с применением ядерного оружия тем или иным вариантом «победы». Этот процесс становится ещё более опасным в связи с дальней-

шим расширением клуба ядерных держав, число которых только за последние годы пополнились Индией, Пакистаном и др.

Ошибочность ставки на систему ПРО как определённой гарантии для «обезоруживающего» первого удара в немалой степени обусловлена тем, что любая подобная система ПРО требует огромных расходов. Ещё бывший министр обороны США Р.Макнамара обратил внимание на колоссальную стоимость противоракетной обороны территории страны как аргумент для поиска альтернативного решения обеспечения национальной безопасности [1].

Автор обстоятельно рассматривает ещё одно направление, непосредственно связанное с обеспечением национальной безопасности. Любое политико-военное решение для своей адекватности требует достоверной оценки как вероятного противника, так и собственного потенциала. В подготовке информационной основы для принятия решения в области внешней политики, обороны и обеспечения внутренней безопасности огромную роль играет разведка. Государственный руководитель ждёт от разведслужбы обоснованного предупреждения о тех событиях и процессах, которые могут произойти в будущем и которые несут в себе угрозу национальной безопасности. Соответственно, особое внимание в деятельности разведки должно уделяться соотношению текущей и перспективной информации [1]. Это тем более важно, что подавляющее большинство политиков в своей деятельности сосредоточены прежде всего на решении текущих проблем.

Задача адекватного предупреждения высшего государственного руководства, вопреки расхожим мнениям, решается не только за счёт заблаговременного получения сообщений отдельных суперагентов или агентурных связей. Она предполагает серьёзнейшую аналитическую работу на основе многообразных данных, полученных как открытым, так и «неоткрытым» путём. Соответственно, традиционный спор о том, кому принадлежит первенство в разведывательном сообществе – разведчикам-операторам или аналитикам, является надуманным, каждый из них на своём месте играет неопределимую роль.

Автор подчёркивает, что функция разведки не сводится только к оценке возможностей, не менее важна оценка намерений оппонента, что является значительно более сложной задачей. Возможности той или иной страны, связанные прежде всего с материальными ресурсами, которые государство выделяет на развитие оборонной промышленности и строительство собственно вооружённых сил, меняются относительно медленно.

По-иному протекают процессы, связанные с изменением намерений высшего государственного руководства, которые могут произойти в гораздо более короткие сроки и при этом гораздо труднее поддаются «расшифровке» [14].

Так, новейшие исследования на основе анализа, в том числе архивных материалов, убедительно говорят о том, что германские разведслужбы не имели представления о реальной военной мощи Советского Союза, особенно о гигантских масш-

табах той подготовки советской промышленности к войне, которая была осуществлена в конце 30-х – начале 40-х годов. Это было связано прежде всего с исключительно высоким уровнем секретности в СССР.

Однако незнание Сталиным подлинных расчётов и оценок Гитлера советской военной мощи, системы стратегического управления привели к неверной оценке руководством СССР намерений Третьего рейха. Весь характер поведения Сталина в первые дни Великой Отечественной войны подтверждает вывод о том, что он будто бы полагал, что Гитлер преследует какие-то ограниченные цели в войне, что с ним ещё можно будет договориться и т.п. [1].

За последние 20–30 лет произошёл гигантский рост возможностей разнообразных технических средств разведки, которыми она пользуется для получения результатов, в том числе с помощью космических аппаратов оптико-электронной разведки (в ясную погоду в любое время суток) и космических аппаратов радиолокационной разведки (в сложных погодных условиях).

В ядерный век наряду с разведкой всё более значимую роль стали играть специальные системы предупреждения – системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), призванные обеспечить предупреждение о начале использования стратегических ядерных сил. Однако сверхкороткий промежуток времени, в течение которого государственное руководство должно принять решение об ответных мерах, практически обесценивает возможность использования полученного предупреждения. Автор делает важнейший вы-

вод: никакая СПРН в современных условиях не может заменить заблаговременное предупреждение о подготовке нападения, за которое в первую очередь отвечает «разведывательное сообщество». Это означает, что многочисленные разговоры о ненужности «человеческой разведки» вследствие бурного развития технических средств не имеют под собой основания.

При этом автор отмечает, что не только разведка несёт обязанности перед государственным руководством. Нередко все оценки разведок и дипломатического ведомства перевешиваются личными установками и мировосприятием государственного руководителя.

А.А.Кокошин приводит любопытный факт о том, что ещё в 50-е годы Р.Хилсмен, известный американский политолог и теоретик разведки, обратил внимание на то, что работникам разведслужб, представляющих свои выводы и результаты анализа, приходится сталкиваться с «антиинтеллектуализмом» государственных деятелей (поскольку последние «сильно верят в силу практического опыта»). Многие деятели такого рода, писал Хилсмен, «высокомерно относятся» к аналитическим разработкам разведок, сделанным на базе социальных наук, считая, что они хороши в теории, но представляют ограниченную ценность на практике [15].

Помимо получения адекватной информации о внешнем окружении не менее важной является объективная оценка реального положения дел в собственных вооружённых силах, оборонной промышленности и науке. Эта задача, как это не покажется странным, не менее, а может

быть, более сложная, чем получение сведений о противнике. При этом она не сводится лишь к оценке численности войск и наличных вооружений. Необходимо также хорошо знать сильные и слабые стороны своего командного состава всех уровней, его способность решать тактические, оперативные и стратегические задачи, управлять войсками и находящейся на вооружении сложной военной техникой.

У высшего государственного руководства должно быть предельно трезвое понимание степени боеспособности собственных вооружённых сил. При этом далеко не все параметры боеспособности подвергаются количественному измерению. Поэтому, по мнению автора, в различных системах стратегического управления необходимо иметь специальные аналитические подразделения, способные дать взвешенную, беспристрастную оценку. Создание и укомплектование таких подразделений, как показывает отечественный и зарубежный опыт, непростая задача.

В этом плане представляет интерес опыт деятельности особого органа, созданного в 1971 г. в Министерстве обороны США, – Управления комплексных оценок, которое изначально было организационно поставлено как вне разведки, так и вне органа оперативно-стратегического планирования – Комитета начальников штабов США (в чём-то эквивалентного Главному оперативному управлению Генштаба Вооружённых Сил СССР (РФ)). Данное подразделение со временем стало носителем огромной информационной базы и институциональной памяти, уникальных знаний по любым вопросам,

касающимся как собственных вооружённых сил, так и вооружённых сил всех противников, оппонентов и союзников США [1].

Автор также обращает внимание на казалась бы второстепенную технико-организационную сторону этого вопроса. Принять взвешенное решение, по его мнению, это лишь полдела, не менее важным является обеспечение его реализации [1]. В ходе отработки документов, в процессе согласований с различными ведомствами и их подразделениями, как показывает исторический опыт, часто утрачивается смысл стратегического решения. Межведомственного компромисса в подавляющем большинстве случаев избежать невозможно, но нельзя допускать, чтобы при его выработке выхолащивалась суть управляющего воздействия, которое должно возникнуть при принятии решения.

И вновь автор вынужден констатировать, что, несмотря на обилие публикаций по деятельности разведок в последние годы, работ, в которых системно рассматривались бы вопросы использования разведанных в принятии стратегических решений, крайне мало.

В книге изложен ряд других важных проблем. Среди них – влияние идеологии на политику и военную стратегию, а также процесс принятия решения, характеристика основных видов стратегических решений, функциональные требования к деятельности генерального штаба в современных условиях. Безусловный научно-практический интерес представляет анализ долгосрочных проблем обеспечения стра-

тегической стабильности, некоторых тенденций развития вооружённых сил и средств общего назначения и их воздействие на стратегическую стабильность, а также рассмотрение системы неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России.

Практическую ценность имеют предложения А.А.Кокошина по совершенствованию сферы военного управления. Нельзя не согласиться с ним, что для России исключительную актуальность имеет вопрос о системной и целенаправленной подготовке гражданских специалистов в политико-военной сфере и о дополнительном образовании для командного состава вооружённых сил в области политологии, экономики и социологии.

С этой целью, по мнению А.А.Кокошина, на постоянной основе должны функционировать форумы, где бы профессиональные военные могли бы общаться с политологами и политическими деятелями, сотрудниками госаппарата по актуальным проблемам мировой политики, национальной безопасности и военной стратегии. Безусловно, должна поощряться совместная работа над соответствующими исследованиями и документами государственного уровня. Такого рода опыт в нашей стране имеется, однако он нуждается в значительном расширении и в более углублённом взаимодействии политической и военно-стратегической составляющих для обеспечения обороноспособности страны.

Теоретические вопросы соотношения политики и военной стратегии, рассмотренные в книге, имеют прямое отношение к вопросу даль-

нейшего совершенствования системы стратегического управления (руководства) Вооружёнными Силами Российской Федерации. Автор исходит из того, что для этого должны быть в законодательном порядке определены роль, полномочия, ответственность в стратегическом руководстве вооружёнными силами не только Президента, Верховного Главнокомандующего и Правительства Российской Федерации, но и министра обороны и начальника Генерального штаба ВС, а также командующих объединёнными командованиями на потенциальных театрах военных действий.

По мнению автора, Генштаб ВС России может уподобиться Комитету начальников штабов ВС США, который, как правило, не включается в контур стратегического управления. В России генштаб, безусловно, должен быть одним из главнейших элементов стратегического управления в военной сфере. При этом следует иметь в виду, что политика (и внешняя, и внутренняя) в условиях глобализирующегося мира и информационного общества пронизывает все уровни боевого применения вооружённых сил – стратегический, оперативный и даже тактический. Это в полной мере относится и к гуманитарным операциям, и операциям по поддержанию мира [1].

При этом деятельность военного ведомства, в том числе Генштаба ВС России, различных компонентов вооружённых сил при проведении тех или иных операций должна тесно сопрягаться с деятельностью других ведомств РФ – Министерства иностранных дел, Службы внешней разведки, Федеральной службы безопас-

ности, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства транспорта, РЖД и др. Это взаимодействие необходимо тщательно отрабатывать на различных учениях и в ситуационных играх, для чего и в Минобороны России, и в других ведомствах должны иметься специаль-

ные подразделения. Естественно, важную роль в оказании всесторонней помощи высшему государственному руководству в подготовке принятия решения, связанных с применением военной силы, должен играть Совет безопасности России и его аппарат.

А.А.Кокошин, не избегая неудобных вопросов, не стесняясь назвать вещи своими именами, представил труд в равной степени интересный как для узких специалистов, так и для широкой аудитории, что делает его заметным явлением в политологическом научном пространстве.

Примечания

1. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 11, 24, 49, 22, 37, 61, 65, 66, 72, 73, 154, 150, 113–114, 129, 122, 82, 69.
2. Клаузевиц К. О войне. 4-е изд. М.: Госвоениздат, 1937. Т. 1. С. 57, 54, 55, 56; Т. 2. С. 380; Т. 1. С. 58–59, 209–210, 66.
3. Мировые войны XX века. Кн.1. Первая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2002. С. 8–18, 21–32, 33–44.
4. Повалий М. Политика и военная стратегия // Военная мысль. 1970. № 7. С. 10–11.
5. Михалев С.Н. Военная стратегия: подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени / под ред. В.А. Золотарева. М.: Жуковский: Кучково поле, 2003. С. 25; Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1983. С. 137.
6. Мольтке Г. Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке / пер. с нем. СПб., 1913. С. 14.
7. Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. С. 30–31, 20.
8. Штоль В.В. Армия «нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. С. 53–60.
9. Огарков Н.В. История учит бдительности. М.: Воениздат, 1985. С. 88.
10. Проэктор Д.М. О политике, Клаузевице и победе в ядерной войне // Международная жизнь. 1988. №1. С. 88.
11. Грачев Н. О ракетно-ядерной войне и её последствиях // Международная жизнь. 1988. № 1. С. 103.
12. Козлов С.Н., Смирнов М.В. [и др.]. О советской военной науке. М.: Воениздат, 1964. С. 255.
13. Отечественный военно-промышленный комплекс и его развитие / под ред. О.Д.Бакланова, О.К.Рогозина. М.: Ладога-100, 2005. С. 287.
14. Кокошин А.А. Прогнозирование и политика. М.: Международные отношения, 1975. С. 41–43.
15. Хилсмен Р. Стратегическая разведка и политические решения / пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1957. С. 79–80.